

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Шатина Владимира Юрьевича
на тему: «ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.»
по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертационное исследование В. Ю. Шатина посвящено костромским говорам XVIIв., которые в отличие от других севернорусских говоров данного периода почти не изучены. Этим обусловлена актуальность избранной для диссертации темы. Работа вводит в научный оборот большой новый рукописный материал Костромской отказной книги (**Костр.**) 1619-1634гг., ранее подробно не обследованный. Автор обосновывает ценность избранного для исследования материала: 1) основываясь на авторитетных исследованиях, показывает, что писцы подобных документов, как правило, были местными уроженцами, что позволяет соотнести полученные результаты именно с данной территорией; 2) регулярная повторяемость ряда лексем и форм в этом весьма обширном тексте дает в распоряжение исследователя удобный для сопоставления и анализа материал.

Диссертация имеет традиционную четкую структуру: введение, три главы, которые посвящены анализу материала, и заключение. В первых двух главах рассматривается соответственно ударный и безударный вокализм, что требовало тщательной классификации собранного материала и знаний по русской исторической акцентологии. Необходимо подчеркнуть, что в работе имеется акцентологический комментарий во всех, на наш взгляд, требующих того многочисленных случаях.

Диссертант проявил очень хорошее владение диалектологическим и лингвогеографическим материалом. Как указано во введении, кроме легко доступных опубликованных данных, используются оцифрованные записи из «Электронной библиотеки русских народных говоров» и записи из фонотеки Института русского языка им. В.В. Виноградова, что позволило с большей достоверностью интерпретировать редкие и необычные написания. Хочется отметить особенно удачное проведение корректировки рукописного материала данными современных говоров и лингвогеографии для решения вопросов об отражении неразличения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, о качестве фонемы /г/ (окказиональные фрикативные реализации, вызванные разными причинами, наличие «взрывного йота»), о причинах отсутствия отражения в **Костр.** прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных (появилось позднее, после распространения пришедшего с севера [ǰ]). В. Ю. Шатин не только сопоставляет материал исследуемой рукописи с данными лингвогеографии и диалектологическими записями, но почти систематически, т.е. почти в каждом разделе выполняет и еще одну задачу - подробно анализирует представленные в литературе описания способов отражения на письме тех или иных фонетических явлений, существующие подходы к их трактовке. Особенно хочется отметить в этом отношении разделы о судьбе / ё/ в 1-й главе, всю вторую главу о безударном вокализме, раздел о судьбе шипящих и /ц/, о написаниях, отражающих непозиционную мену твердых и мягких согласных (для трактовки последних в диссертации собраны воедино многие разрозненные наблюдения и предположения по этому вопросу, существующие в литературе). Ведь анализ и описание большого объема разнородных примеров в каждом случае требовал выбора некоторой методики, определения оснований для их классификации.

В связи с этим заметим также, что упрощенная орфография примеров, избранная В.Ю. Шатиным, представляется оправданной в свете основных

задач работы и позволяет проследить тенденции, особенности, важные с фонетической точки зрения.

Обоснованность заключений и выводов, сделанных в диссертации, их достоверность и новизна не вызывают сомнений. Анализ и интерпретация материала отличается большой тщательностью, вниманием к деталям, взвешенностью. Для работы в целом характерна простота и ясность изложения, вместе с тем очевидно прекрасное владение соответствующей научной терминологией. Результаты исследования Владимира Юрьевича отражены в необходимом количестве публикаций, в изданиях, рекомендованных диссертационным советом МГУ.

О некоторых вопросах и замечаниях.¹ При анализе написаний, связанных с качеством долгих (сложных) шипящих е говорится об учете различных почерков, т.к. некоторые из них не различают Щ и Ш. Ранее оговаривалось, что большинство почерков **Костр.** плохо различают Ъ и Ь. Затем имеется очень существенное замечание в разделе об отражении диссимиляций согласных о том, что имеющееся небольшое количество примеров представлено в разных отказах и у разных писцов (с. 167). Т.е. границы почерков заметны. Возможно, различие почерков следовало бы учитывать при описании остального материала или оговорить, что не наблюдается существенных различий по почеркам в плане отражения большинства орфографических и фонетических особенностей. Были редкие и имевшие фонетическое значение написания, иногда шедшие в разрез с основным массивом примеров (особенно при описании вокализма), когда хотелось бы понять, разбросан ли этот редкий материал по всей рукописи или все же характерен для некоторых почерков? Например, в отношении долгих (сложных) шипящих видно, что написания, которые можно трактовать как отражение сложного глухого шипящего *рошчи* gen. sg. 291 об., *рошчи* nom. pl. 292 об. как раз расположены рядом, наверняка в пределах одного почерка.

2. В отношении примеров род. падежа ед. числа ж. рода прилагательного в сочетании *свтѣи, светеи, стеи бѣы* на с. 30. Предположение об отражении диалектной новгородской особенности вполне понятно, а вариант с церковнославянским влиянием требует, наверное, более развернутого комментария: ведь соответствующая церковнославянская форма имеет окончание *-ыя (ыа)*, очевидным образом не связанное с анализируемой формой. Если только перед нами действительно именно род. падеж? В церковнославянских текстах часто род. и д. падеж выражают очень близкие значения, употребляются в одних и тех же конструкциях (*храмъ, служба сватыа / свѣтъи Богородицы / Богородицѣ*) — при том, что с правописанием буквы гласного после **ц** XVIIв. могли быть самые разные проблемы, как чисто орфографического свойства, так и в связи с отражением морфологических и фонетических диалектных особенностей.

3. При описании «замен **о** на **а**» во втором и других предударных слогах на с. 50 приводятся примеры *моковѣтъвы* пом. рл. 855 (связано с библейским именем Маккавей) и *порамон* пом. sg. 851 (греч. Παράμονος), которые должны, наверное, приводиться в соседней рубрике, где как раз рассматриваются обратные примеры замен **а** на **о**, подобные указанным.

4. На с.75 приводятся примеры из диалектологических записей *п'ер'ашól, фс'о п'ер'ев'ез'óна, јед'инол'úино*, которые должны свидетельствовать об определенном различии гласных неверхнего подъема после мягких во втором и других предударных слогах (кроме 1-го), но примеры эти в указанной позиции свидетельствуют только о различии /e/ и /u/ (гласной верхнего подъема), других фонем в данной позиции в этих примерах нет.

5. На с. 100 имя *Агати* и его уменьшительная форма *Агати́ко (Огати́ко)* даются как примеры замены **ф** на **п** (среди многих других примеров). Но **п** здесь вполне на своем месте — срав. греч. Ἀγαθητός.

6. На с. 104 дается пример замены **г** на **х** (т.е. отражения фрикативного [ɣ]) в слове *кныхом* dat. рл. п.р. 107 об. Здесь нужно было бы привести то, что писец

имел в виду. Во многих случаях в диссертации это сделано, но иногда — нет. Наверное, в данном случае имеется в виду форма *книгамъ*? Тогда здесь еще и необычное произношение /н/, и буква **о** вместо **а** как морфологическая или фонетическая особенность. Надо бы откомментировать хотя бы в примечании. Другой пример, когда имеющихся пояснений к примеру недостаточно: на с.19 в позиции «правильное употребление **ѣ** перед мягким согласным» находим примеры *хотѣн* nom. sg. 782, 933; *хотѣнон* nom. sg. так в ркп. «Хотен» п.р. 786 – судя по пояснению, здесь твердый согласный, а не мягкий, т.е. пример должен относиться к другой рубрике? Или имеется в виду, что на конце этого имени собственного (или топонима) должен быть **ь** «Хотень»?

Вместе с тем, указанные замечания носят частный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.5 — Русский язык. Языки народов России (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шатин Владимир Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 — Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,

научный сотрудник Центра лексикографических исследований

историко-филологического факультета

ОЧУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Калужнина Надежда Викторовна

21. 03. 2023

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация: 10.02.01 — Русский язык.

Адрес места работы: 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б,

ОЧУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Центр лексикографических исследований

Тел.: +7(495) 536-93-04 внутр. 4203; e-mail: nauka-pstgu@mail.ru